

„Цыганы“ Пушкина.

(Рефератъ, читанный въ Пушкинскомъ семинаріи Спб. Университета 5 и 12 ноября 1909 г.).

„Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа“.

(Гоголь).

„Да, въ явленіи его заключается для всѣхъ насъ, русскихъ, нѣчто безспорно пророческое.“

Пушкинъ какъ разъ приходитъ въ самомъ началѣ правильного самосознанія нашего, едва лишь начавшагося и зародившагося въ обществѣ нашемъ послѣ цѣлаго столѣтія съ Петровской реформы, и явленіе его сильно способствуетъ освѣщенію темной дороги нашей новымъ направляющимъ свѣтомъ. Въ этомъ-то смыслѣ Пушкинъ и есть пророчество и указаніе“.

(Достоевскій).

Да, Пушкинъ есть пророчество и указаніе для всей русской литературы, скажу больше: для всей русской философской мысли, съ самобытной силой проявлявшейся только въ литературѣ. Всѣ вѣковѣчныя проблемы, такъ стихійно могуче поставленныя въ прошломъ столѣтіи въ нашей литературѣ, были уже намѣчены, какъ мы увидимъ ниже, Пушкинымъ.

Спѣша и торопясь, онъ ронялъ мысли, намѣчалъ образы, рисовалъ контуры сжато и кратко—ему нужно было объять необъятное, предвосхитить путь всего будущаго русскаго творчества. И лишь теперь, когда его клады размѣнены, когда сгустки его крови и мысли разбавлены, мы начинаемъ постигать его, лучезарнаго генія, дивными переливами восходящей зари освѣтившаго пороги русской сознательной жизни.

„Пушкинъ есть пророчество и указаніе“ для всей будущей русской литературы; „Цыганы“ же—пророчество и указаніе для самого Пушкина.

Если правильно дѣленіе творчества Пушкина на два періода—періодъ вліянія великихъ творцовъ Европы на развитіе его генія и періодъ самостоятельнаго творчества, то второй періодъ открывается именно „Цыганами“.

Здѣсь Пушкинъ впервые затронулъ проблему, глубоко-философскую и общечеловѣческую—затронулъ ее въ рамкахъ, совершенно небывалыхъ, въ размѣрахъ, въ которыхъ она до сихъ поръ еще нигдѣ не ставилась;—проблему, которой онъ потомъ посвятилъ высшіе моменты своего вдохновенія и которая, согласно начертанной имъ программѣ, составляетъ центральный пунктъ всей нашей литературы. Я разумѣю проблему индивидуализма во всей ея необъятной шири и болѣзненной глубинѣ.

Правильно указаніе Достоевскаго, что преодолѣніе байронизма и, прибавлю отъ себя, другихъ цѣнностей европейской литературы, началось уже съ „Кавказскаго Плѣнника“. Но полная побѣда была одержана именно въ „Цыганахъ“—въ послѣднемъ пробномъ полетѣ на высочайшія вершины поэзіи, съ которыхъ онъ уже потомъ не спускался.

„Цыганы“—синтезъ тѣхъ великихъ проблемъ, что ставились въ Европѣ до него—синтезъ своеобразный, единственный, можетъ быть, подсказанный мощнымъ духомъ юнаго народа русскаго, только что переступившаго за порогъ сознанія.

Если борьба личности съ обществомъ носила на Западѣ конкретный, я бы сказала, бытовой характеръ; если намъ ясны причины, вызвавшія тотъ могучій протестъ одинокой и сильной личности, что такъ явственно звучитъ въ сатанинскомъ презрѣніи байроновскихъ *Übermensch*-ей; если въ гордыхъ стонахъ, едва прорывающихся сквозь плотно сжатые губы Каина или Манфреда, вы явно улавливаете вопли об-

щества того времени, очутившагося въ безвыходномъ тупикѣ;— если, тамъ, говорю я, на Западѣ, проблема индивидуализма омочена кровью, казалось, бесплодно пролитой въ борьбѣ за хрустальное царство здѣсь, на землѣ, то у насъ, въ „Цыганахъ“ она отличается внѣпространственностью и внѣвременностью;—высшій синтезъ внѣ всякой зависимости отъ эпохи или среды; обнаженная проблема внѣ какихъ бы то ни было рамокъ быта, мѣста и времени.

II

Проблема индивидуализма не нова. Она вовсе не есть печальное наслѣдіе трагическаго духа европейца 19-го столѣтія. Она стара, какъ цивилизація; она ставилась во всѣ времена, всѣми народами, достигшими той высоты культуры, когда личность, почувствовавъ себя, какъ нѣчто обособленное отъ міра, отъ космоса, затосковала по прежней интимной связи съ этимъ космосомъ, загрузтила по томъ золотомъ вѣкѣ, въ которомъ она еще умѣла сливаться въ мистическомъ экстазѣ религіознаго возбужденія со всей вселенной, была однимъ изъ сихъ малыхъ и неразумныхъ, которыхъ еще не обжигали губительные лучи холоднаго разума.

Проблема индивидуализма лежитъ въ основѣ міровой трагедіи въ болѣе или менѣе выявленной степени. На ней основана греческая трагедія, она мучаетъ великаго трагика Шекспира, она же приводитъ въ содроганіе Гёте, Шелли и Байрона.

Бываютъ, конечно, эпохи, когда трагедія единой оторванной личности ощущается очень сильно, когда „подполье“ отравляетъ своимъ ядомъ все существо человѣка, и тогда получается иллюзія проблемы только что поставленной, кажется, что она есть сгустокъ страданій только даннаго историческаго момента.

Но великіе геніи знаютъ нѣкую тайну про себя: претворяя въ себѣ духъ вѣчный, духъ тревожный всѣхъ временъ и на-

родовъ, они умѣютъ откидывать случайную оболочку, создающую иллюзію ограниченности во времени и пространствѣ, ставить вопросы въ обнаженномъ видѣ, выявлять ихъ вѣчный характеръ.

Уже эллинскій духъ знаетъ эту проблему, восходящую къ эпохѣ титановъ.

„О жалкій, эфемерный родъ, дѣти случая и бѣдствія“— былъ отвѣтъ спутника Діониса Силена королю Мидасу, во-прошавшему, что самое лучшее для человѣка— „Зачѣмъ заставляешь ты меня сказать то, что тебѣ всего полезнѣе было бы не слушать. Самое лучшее для тебя совершенно недостижимо—это было бы вовсе не родиться, не быть, быть ничѣмъ. А послѣ того самое лучшее для тебя: скорѣе умереть“.

„Дѣти случая и бѣдствія“.

Быть игрушкой слѣпыхъ, ужасъ внушающихъ, мрачныхъ силъ, ощущать вѣчное господство слѣпого случая, воплощеннаго въ страшную, для созерцателей-художниковъ—эллиновъ, Мойру-судьбу, въ грѣхъ вовлекающую боговъ и людей, а затѣмъ безпощадно карающую этихъ невинныхъ преступниковъ,—вотъ оно то трагическое, что выявляетъ уже жизне-радостному язычнику, эллину его Ratio — виновникъ оторванности его отъ природы, виновникъ *его индивидуации*.

Разумъ не въ состояніи жизнь оправдать; единой личности она долѣжна казаться не чѣмъ инымъ, какъ вѣчной борьбой съ постоянной увѣренностью въ пораженіи.

Разумъ, индивидуальный разумъ, можетъ сдѣлать жизни только такое резюме: безпрестанно желать, постоянно страдать и затѣмъ умирать, и такъ изъ вѣка въ вѣкъ, пока наша земля не распадется въ прахъ.

Подводя простой ариѳметическій подсчетъ суммъ страда-ній и счастья на землѣ, мы не можемъ не ощущать банкротства жизни; не можемъ принять міра, не можемъ его оправдать. Тутъ не помогутъ никакіе императивы самодержавной морали или царицы *для немногихъ*—эстетики.

Непокорная личность всегда будет страдать от своей индивидуации, от своей замкнутости въ предѣлахъ двухъ моментовъ: рожденія и смерти.

Греческій театръ вполне ясно представляетъ себѣ трагическое значеніе индивидуации.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь всѣ знаменитые герои греческой трагедіи: Прометей, Эдипъ, Аресть, Этеокль, Эантъ и др. представляютъ собой однѣ только маски, подъ которыми скрывается тотъ же трагическій Богъ Діонисъ, опутанный сѣтью индивидуальной воли и, *какъ индивидъ*, подверженный заблужденію, страстямъ и страданіямъ.

Страдающій Діонисъ мистерій, Богъ, испытавшій на самомъ себѣ всю муку индивидуации,—вотъ онъ истинный герой греческой трагедіи. По сказанію чуднаго мифа, Богъ Діонисъ еще мальчикомъ былъ растерзанъ на части тиранами, и тогда изъ слезъ его родились люди, столь же растерзанные на части и столь же страдающіе въ своей индивидуации. И если греки и представляли себѣ спасеніе отъ всѣхъ трагическихъ вопросовъ, то въ видѣ возрожденія Діониса—грядетъ въ третій разъ, и раздробленный на индивиды міръ снова станетъ цѣльнымъ и не будетъ больше трагедіи: личность сольется съ космосомъ и въ экстазѣ сліянія растворитъ свое я. Вѣчно горящая Деметра впервые радуется, когда ей говорятъ, что она можетъ еще разъ родить Діониса, цѣльнаго гармонического Діониса.

Богъ Діонисъ, страдающій отъ индивидуации, принимающій, то видъ Прометейя, то видъ Эдипа,—вотъ она истинная сущность греческой трагедіи, вотъ онъ трагическій мифъ, созданный арійцами еще на зарѣ цивилизації, когда личность впервые почувствовала себя, какъ индивидуумъ; мифъ, воплощающій въ себѣ всю міровую трагедію, гдѣ бы и при какихъ условіяхъ она не проявлялась.

III.

Античный міръ погибъ на развалинахъ діонисовскаго на

чала. До крайности развитое *я*, научившееся противопоставлять себя міру, обществу и Богу, трагическое въ своемъ одиночествѣ, изъ послѣднихъ усилій создавшее свое эпикурейское міровоззрѣніе, сознательно учившее забытію въ моментѣ, опьяненію въ чувственности,—оно достигло своего высшаго выраженія въ неософизмѣ, основной принципъ котораго: человекъ—мѣрило всѣхъ вещей. Вотъ почему мы имѣемъ у неософистовъ полное отрицаніе морали, религіи, общественности и другихъ столповъ, на которыхъ зиждется жизнь. Послѣдовательный индивидуализмъ не можетъ не разбить всѣхъ святыхъ кумировъ, не можетъ, чтобы не заставить поклониться себѣ и только себѣ, какъ единственному творцу всѣхъ цѣнностей. Но слишкомъ трагично положеніе одинокаго Бога; пустыньность холодная, кругомъ царящая, нетерпима для него—и онъ гибнетъ въ своей величавости.

Трагиченъ финалъ античнаго міра, представляющій собою крушеніе индивидуализма.

На смѣну идетъ міръ христіанскій. Я разсматриваю христіанство, поскольку оно возникло на развалинахъ римской имперіи, какъ усиліе человѣческаго духа создать для себя почву, если не здѣсь на землѣ, то хоть гдѣ-нибудь въ туманной дали, создать для себя лоно, гдѣ онъ могъ бы раствориться, потерявъ остроту трагедіи безпочвенности, индивидуализмомъ созданной.

Ибо нѣтъ возврата къ счастливому дѣтству, ибо заказанъ путь домой—къ природѣ: эллинизмъ, наслѣдство глубоко знаменательное, преграждаетъ путь къ золотому вѣку.

Христіанство ухитряется создать иную почву, отыскавъ ее въ безвоздушномъ пространствѣ, у трона Небеснаго Отца. Толстой въ „Исповѣди“ даетъ намъ прекрасный образъ всей безпочвенности этой новой почвы.

Худо ли, хорошо ли, но личность успокоилась; успокоилась на томъ, что потеряла себя, растворившись въ Богѣ; и если осталась антитеза *я да міръ*, создавшая греческую трагедію,

то личность ушла отъ этого міра, просто откинула его, какъ грѣховную плоть, поднявшись на крыльяхъ духовныхъ къ небесному отцу. Достоевскій глубоко проникъ въ спасающую сущность католической церкви, именно *католической*, ибо она единственная не допускаетъ никакихъ вопросовъ, властно требуя покорности и повиновенія, иными словами—полной потери личности. Въ этомъ смыслѣ единствененъ по своей глубинѣ и истинности образъ великаго инквизитора. Недаромъ средніе вѣка почти не знали литературной формы трагедіи (мистеріи, конечно, не въ счетъ); да она и не могла быть, пока личность находила для себя успокоеніе въ лонѣ церкви, пока религія покоилась на самомъ вѣрномъ принципѣ: *credo quia absurdum*.

И лишь въ эпоху Ренессанса, въ эпоху великаго сдвига *ratio*, въ гордынѣ своей возставшаго на послѣднее убѣжище человѣка въ его страданіяхъ—на Бога, снова пошатнулась почва подъ человѣкомъ и, появилась трагедія. Не случайность, что она появилась въ Англии, въ классической странѣ свободы, гдѣ къ тому времени личность успѣла уже выявиться ярко и полно, гдѣ самосознаніе достигло уже того предѣла, когда разбиваются старыя скрижали, на которыхъ огненными буквами начертано имя великаго спасителя—Бога.

Въ произведеніяхъ Шекспира трагедія ужъ отодвинута отъ рока; она приурочена къ волѣ единой личности, свободной отъ всякихъ поглощающихъ началъ и дерзающей вступить въ борьбу со своею совѣстью, цѣликомъ умѣщающейся въ ея душѣ, безъ всякаго отношенія къ Началу Божества. Нѣсколько позже узналъ трагедію и континентъ,—узналъ, когда и онъ освободился отъ всякихъ высшихъ началъ, когда и на немъ личность потеряла почву, почувявъ свою самостоятельность и изъ нея вытекающую изолированность отъ Бога, отъ Космоса.

Осталась еще одна стѣна, подъ сѣнью которой личность могла еще укрываться въ европейскомъ обществѣ—это об-

щественное благо. Если естественная религія и побѣдила истинную ирраціональную религію, то вѣдь во имя крушенія тѣхъ старыхъ авторитетовъ, на развалинахъ которыхъ могло бы свободно развиваться великое знамя по-своему святой троицы: равенства, братства и свободы.

Но когда подъ обломками стараго строя, рухнувшаго подъ громовыми ударами французской революціи, были погребены и идеалы, созданные естественной религіей, когда, такимъ образомъ, обрушился и послѣдній оплотъ личности, и она очутилась наединѣ сама съ собою, тогда всякая форма литературы приняла характеръ трагедіи, тогда выступили на арену великіе плакальщики трагическаго человѣчества: Альфредъ де-Мюссе, Шатобріанъ, Байронъ, Шелли и Гёте со своимъ Фаустомъ.

Міровая трагедія—есть трагедія *индивидуальною* духа, корчащагося въ мукахъ одиночества, постепенно теряющаго одинъ оплотъ за другимъ, подъ которыми онъ привыкъ укрываться.

Она началась на зарѣ цивилизаціи, когда человѣкъ,—по семитскому сказанію, отъ любопытства женщины (яблоко), а по арійскому,—отъ желанія спасти міръ (Прометей), но по обоимъ—отъ первыхъ проблесковъ сознанія—, потерявъ невинность, почувствовалъ свою изолированность отъ міра, отъ космоса. Въ продолженіе всей своей исторіи человѣкъ мучительно искалъ путей, по которымъ онъ могъ бы дойти до потери своей личности, до избавленія отъ первоисточника всякой трагедіи, отъ бремени своего *я*. Религія, а потомъ общественное *благо*—оба начала обанкротились къ 19-му вѣку. Вотъ почему мы снова стоимъ передъ той же стихійной трагической проблемой, проявляющейся теперь во всѣхъ формахъ міровой литературы.

IV.

„Пушкинъ“, говоритъ Достоевскій, „какъ разъ приходитъ въ самомъ началѣ правильнаго самосознанія нашего, едва

лишь начавшагося..... послѣ цѣлаго столѣтія съ Петровской реформы“. Достоевскій, гораздо больше западникъ, чѣмъ славянофилъ, зналъ, конечно, что Бѣлинскій былъ глубоко правъ, усматривая великое значеніе сближенія нашего съ Европой въ усвоеніи *начала личности*, отсутствовавшего въ нашей исторіи. Другое дѣло, принесло ли намъ это начало счастье и покой. Уже Бѣлинскому оно почти было не по плечу. Въдѣ недаромъ онъ такъ бунтарски призывалъ, если не къ отмщенію, то къ оправданію казней Филиппа IV, инквизиціи и моря пролитой человѣческой крови и жгучихъ слезъ. Достоевскій же всю жизнь свою изгибался подъ неимо- вѣрной тяжестью этого мучительнаго начала, восходящаго въ *русской литературѣ именно къ Пушкину и прежде всего къ его „Цыганамъ“*.

Вотъ Толстой тоже довольствовался только прозаическимъ изложеніемъ „Цыганъ“ Мериме и вовсе не тянулся къ плѣнительной музыкѣ грустныхъ звуковъ поэмы.

Очевидно, всѣ великіе проявители русскаго духа почуяли свое родство съ нимъ, Пушкинымъ, такъ какъ въ „Цыганахъ“ онъ постигъ сущность трагедіи вообще, *безотносительно къ условіямъ времени и мѣста*, сущность, вытекающую изъ проблемы личности одинокой, оторванной отъ космоса, на свой страхъ и рискъ творящей свою жизнь. Но это возможно было именно въ 19-мъ вѣкѣ, когда это начало личности было уже усвоено серьезно „послѣ цѣлаго столѣтія Петровскихъ реформъ“.... Это-то и разумѣетъ Достоевскій. Но вотъ что поразительно:

Поэтъ реальнаго міра, всегда богатый запасомъ простыхъ, но прекрасныхъ въ своей ясности красокъ, скупъ почему-то въ „Цыганахъ“ на краски, на эпитеты. Лишена конкретности природа, лишены ея и „природы бѣдные сыны“, почему-то именуемые цыганами, нѣтъ ея и у Алеко, воплощающаго въ себѣ вообще начало личности, которая „для себя лишь ищетъ воли“ и „не рождена для дикой доли“. И это потому, что Пушкинъ въ „Цыганахъ“ впервые поднялся до высочайшихъ

вершинъ міровой поэзіи: отверзлась передъ нимъ бездна отдаленнаго прошлаго, поднялась завѣса со столь запутаннаго настоящаго; онъ постигъ глубокую таинственную связь между ними, постигъ цѣпь временъ, объединивъ во-едино античный міръ съ трагическимъ настоящимъ. Чѣмъ шире художественное обобщеніе, чѣмъ выше то разстояніе, что отдѣляетъ художника отъ даннаго конкретнаго случая,—словомъ, чѣмъ вмѣстительнѣй душа его, тѣмъ удачнѣе скрываются случайные изъяны частнаго явленія, тѣмъ меньше бытового содержанія. И это не идеализація—это чудо—тайна всякаго художественнаго синтеза, всегда символическаго, всегда скрывающаго отъ насъ предстоящія несовершенства. Для меня весь смыслъ поэмы въ Алеко.

Алеко, личность исключительная, неукладывающаяся въ какія бы то ни было рамки общественности и морали, гордая индивидуальность, которую душисть неволя „душныхъ городовъ, гдѣ люди *въ кучахъ*, за оградой, любви стыдятся, мысли гонятъ, торгуютъ волею своей, главы предъ идолами клонятъ и просятъ денегъ да цѣпей“.

Вотъ она квинтъ-эссенція всѣхъ притязаній байроновскихъ и другихъ *Übermensch*—ей къ обществу. Это не претензія той или другой конкретной личности къ данному конкретному обществу; нѣтъ это протестъ личности *вообще*, отвлеченной, но стоящей выше окружающей ее среды. Всегда, гдѣ общество, тамъ неминуемы цѣпи, тамъ непременно торгуютъ волею своей; тамъ предразсужденій приговоръ и толпы безумное гоненье. Байронъ здѣсь поступилъ бы такъ: онъ сосредоточилъ бы все вниманіе на моментѣ борьбы съ обществомъ или на моментѣ успокоенія гдѣ-нибудь на лонѣ природы съ дикимъ первобытнымъ племенемъ. Пушкинъ же, преслѣдуя иныя цѣли—выясненіе проблемы въ ея *сущности* и непреходящей цѣнности, ограничиваясь только сжатой формулировкой *всѣхъ* обвиненій, предъявляемыхъ ко всякому обществу *вообще*, идетъ дальше, ставитъ вопросъ въ совершенно

иной плоскости, ставитъ его такъ, какъ ставитъ вся русская литература 19-го вѣка: возможно ли вообще успокоеніе для гордой личности; можетъ ли поглотить ее какая бы то ни было стихія, какой бы то ни было идеальный строй? Здѣсь, повидимому, не въ обществѣ дѣло, и трагедія личности вовсе не въ томъ, что она выше общества, что послѣднее не доросло до нея, а въ совершенно иномъ. Одинокая, гордая личность, говорящая *да* лишь тому, что оправдывается ея могучей волей, ставящая себя въ центрѣ мірозданія и на весь міръ глядящая лишь съ точки зрѣнія своего „я“, нигдѣ не пріобрѣтетъ покоя, она обречена на вѣчное скитаніе съ печатью Каинскаго проклятія на своемъ гордомъ челѣ.

Вотъ почему Пушкинъ переноситъ центръ вниманія на *столкновеніе* Алеко съ инымъ складомъ душевнымъ, съ несложной, но цѣльной психикой бѣдныхъ сыновъ природы.

Первобытная прелесть, наивность и простодушіе существа, стоящаго на первой ступени цивилизаціи,—человѣка, дышащаго заодно съ природой, еще не познаващаго трагической антитезы: я да міръ,—съ одной стороны, а съ другой—изборожденное страданіями высокое чело гордой личности послѣдней ступени цивилизаціи; личности, измучившейся въ своихъ противорѣчіяхъ и безъ разбора кидающейся въ объятія какой бы то ни было стихіи; хоть на моментъ обрѣсти покой.

. Проникновенныя очи художника-мудреца покойно остаются на обѣихъ противоположныхъ стадіяхъ развитія человѣческой психики безъ тѣни упрека и одобренія тому или другому—созерцательная мудрость безъ всякихъ сентенцій.

Развитіе дѣйствія говоритъ само за себя. Все время противопоставляется одинокая личность слитности людей и природы, живущихъ одной жизнью, простой и естественной. И эта то антитеза способствуетъ истинному смыслу трагедіи.

Открывается сцена массовой картиной; предъ вами широкій вольный фонъ обширныхъ степей; по ней мелькають груды тѣлъ отцовъ, матерей и дѣтей, *безымянныхъ*,—именно безымянныхъ,—ибо они еще не имѣють своего имени,—застывшихъ въ сонномъ молчаніи, прилипшихъ къ груди матери-природы. Впечатлѣніе слитности усиливается еще отъ того, что „луна сіяетъ съ небесной вышины и тихій таборъ озаряетъ, ровно лія свой свѣтъ на *всѣхъ* и *все*“. На этомъ тихогрустномъ фонѣ едва шевелится нѣмая тѣнь сѣдого старика. „Онъ въ поле дальнее глядитъ ночнымъ подернутое паромъ“. И онъ самъ навѣрно подернуть паромъ и едва выдѣляется изъ этой общей картины, гдѣ люди, животные и нѣмые предметы одинаково припали къ единой груди, на ней отдыхая. Покой и скудное счастье въ этой скудной общинѣ безымянныхъ дѣтей, живущихъ одной общей волей, одной стихіей. Легко и ясно на ихъ невинной душѣ ранняго дѣтства; нѣтъ тревожныхъ вопросовъ—они еще не доросли до нихъ.

Но вотъ вдалькѣ въ сѣдомъ туманѣ промелькнули двѣ тѣни; онѣ приближаются, идя откуда-то; онѣ не здѣшнія, онѣ, нарушая естество, бодрствуютъ, когда вся природа объята покоемъ. Тѣни выдѣлились, явственнѣе стали. подошли вплотную къ этой картинѣ слитности природы съ людьми, противостоятъ ей. Дивный синтезъ тончайшей живописи съ граціозной пластикой. Космосъ и родное существо—первобытный человѣкъ: вольный, какъ природа, беззаботный, какъ божья птичка, и радостный, какъ дитя, и ихъ полная противоположность—личность, сразу получающая свое имя, ибо она индивидуальная, приходящая къ этой стихіи за успокоеніемъ, на время, на моментъ—моментъ, это послѣднее убѣжище—человѣкъ-скиталець.

Но можетъ ли гордый сынъ цивилизаціи обрѣсть покой въ этой стихіи—*возможенъ* ли возвратъ къ золотому дѣтству? правда, тамъ внизу спокойнѣе, тамъ нѣтъ никакихъ противо-

рѣчій, никакихъ вопросовъ; но что же дѣлать со всей осложненностью души современнаго человѣка?

Тихая, молчаливая ночь смѣняется говорливой жизнью дня. Предутренній вѣтерокъ, вѣстникъ дня, шевелить верушки степной ковыли, гонить птичку на легкую добычу; все приходитъ въ беззаботное и свободное движеніе. „Все вмѣстѣ тронулось...“ тронулась и толпа съ той же легкостью, какъ и природа. „Идите, дѣтки, пошлите—сказала мать, къ ночи вернитесь снова ко мнѣ“.

И снова этой толпѣ, какъ природа, вольной въ своихъ движеніяхъ, противостоитъ юноша, глядящій на опустѣлую; равнину и не смѣющій истолковать себѣ „грусти тайную причину“. Именно *не смѣющій* себѣ истолковать. Вѣдь это значило бы въ самомъ началѣ признаться въ непреходимости ужаса, отчаянія, которое толкало его къ этимъ дикарямъ вѣдь это было бы обнаженіе той же пропасти одиночества, надъ которой онъ прежде стоялъ: Достоевскій сказалъ бы, что онъ боится заглянуть въ подполье.

„Но Боже, какъ играли страсти его послушною душой; съ какимъ волненіемъ кипѣли въ его измученной груди! Давно-ль, надолго-ль усмирѣли? Онѣ проснутся, погоди!“ Вотъ въ чемъ истинный смыслъ трагедіи личности. Она всюду одинока.

И проснулись страсти въ его измученной груди и „сѣни кочевья въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣды“. Въ нихъ вторглась въ лицѣ Алеко цивилизація. Психологическій опытъ, нужный для проявленія истинной сущности трагедіи индивидуализма.

„Два года, презрѣвъ оковы просвѣщенья, Алеко воленъ, какъ они, и безъ заботъ и сожалѣнья вѣдетъ кочующіе дни“.

Ему кажется, что онъ совершенно успокоился, что онъ къ бытью цыганскому привыкъ, прежнихъ лѣтъ не помня даже. „Онъ любитъ ихъ ночлеговъ сѣнь и упоенье вѣчной лѣни и бѣдный, звучный ихъ языкъ“.

Онъ именно любить „упоенье вѣчной лѣни—любить свое спокойствіе, свою лѣнь сердечную, любить, какъ отдыхъ, какъ покой для своей измученной души. Замѣьте, что онъ *любитъ* ихъ быть, но не сливается съ нимъ. И любить онъ лишь до поры до времени.

Первые грозные звуки дикой пѣсни Земфиры: „Старый мужъ, грозный мужъ, рѣжь меня, жги меня, я тверда, не боюсь ни ножа, ни огня, ненавижу тебя, презираю тебя, я другого люблю, умираю любя“—нарушаютъ его шаткое равновѣсіе, и онъ снова во власти своего гордаго *я*, не знающаго, гдѣ преклониться, передъ кѣмъ и передъ чѣмъ согнуть свою буйную голову.

Для него не убѣдительно мудрые слова старика: „ты любишь горестно и трудно, а сердце женское шутя: Кто мѣсто въ небѣ лунѣ укажетъ, промолвя: тамъ остановись! кто сердцу юной дѣвы скажетъ: люби одно, не измѣнись“...

Можетъ быть, для цыганъ любовь—естественное проявленіе плоти и больше ничего. Легко сходясь, они также легко расходятся. Но что дѣлать человѣку современному, который вкладываетъ въ это чувство все свое *я*, который, какъ Толстой, усматриваетъ въ немъ спасеніе, поглощеніе его гордой личности.

Бѣлинскій, конечно, прочелъ здѣсь цѣлую проповѣдь: ревность,—дескать,—чувство неблагородное, что нельзя насильно заставить себя любить... и т. п. прописи.

А вотъ Шекспиръ „въ Отелло“ думаетъ нѣсколько иначе. Для него ревность—всепоглощающая страсть, которая недюжиннаго человѣка должна непремѣнно довести до катастрофы.

Пусть теоретики, стоящіе на точкѣ зрѣнія Аристотеля, что смыслъ трагедіи въ катарсисѣ, въ нравственномъ очищеніи и т. п. благоглупостяхъ, осудятъ Отелло и его собрата Алеко. Шекспиръ—психологъ и только психологъ, ставящій трагическія неразрѣшимыя проблемы.

Да и самъ Бѣлинскій въ статьѣ: „Русская литература за 1846 г.“ незамѣтно для самого себя откланивается „Шиллеру“ и постигаетъ безумство любви.

Алеко чужда робость и доброта душевная цыгань; онъ могъ бы только ее оправдать во имя какихъ-нибудь идеаловъ вродѣ Бѣлинскаго, но этихъ-то идеаловъ у него нѣтъ— послѣдовательный индивидуалистъ ихъ отвергаетъ. Алеко совершаетъ преступленіе, заранѣе оправдавъ его. „Я не таковъ: нѣтъ, я не споря отъ правъ моихъ не откажусь“. Вѣдь онъ съ борьбой, съ мученіемъ вынесъ ихъ, права свои, цѣльными изъ покинутаго общества. Какъ же онъ откажется отъ нихъ? Что ему сентенція: „чредою всѣмъ дается радость, что было, то не будетъ вновь“? Во имя чего онъ долженъ покориться? Покорности онъ не знаетъ: ему чужда психологія бѣдныхъ сыновъ природы. Для него законъ—его личная воля, толкнувшая его къ этому послѣднему убѣжищу, *къ стихіи страсти, еще способной спасти его отъ самого себя*. Вѣдь для него весь смыслъ любви Земфиры заключается именно въ томъ, что „веселья дѣтскаго полна, какъ часто милымъ лепетаньемъ, иль упоительнымъ лобзаньемъ *его задумчивость* она въ минуту разогнать умѣла“... Вотъ что для него было самое важное: она умѣла разогнать его *задумчивость*.

Вѣдь ему нужно забвеніе, ему нуженъ душевный покой, душевное равновѣсіе—что же онъ сдѣлаетъ съ собой, когда лишится его? Опять стынуть въ гордомъ одиночествѣ? Но оно не по силамъ человѣку. Конечно, преступленіемъ своимъ онъ не вернетъ себѣ покоя, наоборотъ, убійствомъ онъ изгонитъ себя изъ этой новой среды. Но когда споръ идетъ о жизни и смерти, не разсуждаютъ, а дѣйствуютъ—„хоть мщеніемъ насладиться“. Это не рационально, скажетъ Бѣлинскій, но зато оно вѣрно психологически. Байронъ въ подобныхъ случаяхъ, а Шатобрианъ почти всегда, успокаиваются на иллюзіи вѣрности дикарки (Островъ, Рене), къ ногамъ ку-

мира своего — исключительной личности — они приносят и свой пессимизмъ. (А можетъ быть, они вовсе и не были такими пессимистами). Но Пушкину вовсе не рисуется такой счастливый финалъ: на частномъ случаѣ, правда, слишкомъ сжато, такъ что мы даже рискуемъ впасть въ ошибку: приписать ему наши собственныя проблемы—выясняетъ сущность *мировой* трагедіи. Стоя выше своей эпохи, онъ, подобно Шекспиру, обнажаетъ передъ нами пласты психологическіе, вѣчно живущіе въ душѣ человѣческой, не затемняя ихъ тѣми или другими предвзятыми мыслями, характерными для данной эпохи.

Алеко совершаетъ преступленіе, ибо онъ, какъ индивидуалистъ, дошедшій до отрицанія морали, не можетъ не воскликнуть вмѣстѣ съ человѣкомъ изъ подполья: „мнѣ чтобъ чай былъ, а міру погибнуть“. Пусть преступные герои Достоевскаго на самомъ дѣлѣ очень милые люди, а вовсе не преступники, пусть Раскольниковъ стремился оправдать убійство старухи и съ точки зрѣнія морали; но вѣдь это только дань „Шиллеру“ въ кавычкахъ; на самомъ же дѣлѣ, если быть послѣдовательнымъ вмѣстѣ съ Раскольниковымъ, не только въ теоріи, но и на практикѣ, то вѣдь *неминуемо* придешь къ оправданію Наполеона, а потому и Алеко. Если не всякій спихивающій съ дороги—непремѣнно индивидуалистъ, то зато обратное безусловно правильно: всякій индивидуалистъ, послѣдовательный въ своемъ отрицаніи цѣнностей, извнѣ создаваемыхъ и его, индивидуалиста, стѣсняющихъ; — послѣдовательный въ своемъ непризнаніи какихъ бы то ни было категорическихъ императивовъ, къ тому еще не лишенный воли, активности,—въ потенціи неминуемый преступникъ, а къ случаю и въ жизни.

Психологія преступленія тѣснѣйшимъ образомъ связана съ психологіей индивидуализма. И если въ греческой трагедіи герой еще неповиненъ въ своемъ преступленіи, если тамъ онъ совершаетъ его не по своей свободной волѣ, а по

слѣпому указанію стихійной Мойры, то вѣдь это потому, что греческій индивидуализмъ зналъ лишь первую антитезу: я да міръ, антитезу, представляемую именно въ образѣ *слѣпото случая*—своеобразнаго выраженія той пустоты, которая образовалась между человѣкомъ и космосомъ послѣ разрыва. Зато ужъ трагедія Шекспира и современная, поскольку она трактуетъ вопросъ о преступности, непремѣнно подводитъ подъ него почву индивидуалистическую.

Да и самъ Пушкинъ въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ, тамъ, гдѣ онъ достигъ высочайшихъ вершинъ творчества, трактуетъ вопросъ о преступности въ связи съ индивидуализмомъ.

Всегда активный, никогда не знавшій разлагающаго яда рефлексіи, Пушкинъ и заставляетъ героевъ своихъ проявлять свой индивидуализмъ активно, т. е. въ видѣ преступленія.

Вѣдь тотъ же вопросъ поставлень въ „Борисѣ Годуновѣ“, въ „Скупомъ рыцарѣ“ и „Моцартѣ и Сальери“ и въ „Полтавѣ“. И всегда у него исключительныя личности, надѣленные слишкомъ выявленной индивидуальной волей, — неминуемые преступники.

Дѣло не въ томъ, какъ относится къ нимъ Пушкинъ: принимаетъ ли онъ ихъ подъ свою защиту, или произносить имъ обвинительный приговоръ. Для насъ важень фактъ, что его индивидуалисты всегда преступники. Таковъ и Алеко.

Что Алеко не просто грубый эгоистъ, что тутъ проблема гораздо глубже, чѣмъ обычно ее понимаютъ, и что его преступленіе вполне возможно для всякаго активнаго индивидуалиста и *обязательно* для индивидуалиста Пушкинскихъ типовъ, всегда дѣятельныхъ и всегда носящихъ на себѣ печать активности жгучаго, подвижнаго темперамента своего творца, свидѣтельствуешь хотя бы отношеніе къ Алеко „великаго сердца“ Бѣлинскаго, желавшаго даже усмотрѣть въ немъ борца за общественную свободу. „Дайте эгоизму огромный объемъ, придайте къ нему большой умъ, сильныя страсти,

способность глубоко понимать и чувствовать всякую истину— и предъ вами весь Алеко“.

Такъ понимаетъ его Бѣлинскій. Но вѣдь это все черты, дающія неотъемлемое право ей, исключительной личности,— съ ея, конечно, *собственной* точки зрѣнія, — спихивать съ дороги.

И если слова Алеко: „да какъ же ты не поспѣшилъ тотчасъ во слѣдъ неблагодарной и хищнику и ей коварной кинжала въ сердце не вонзилъ“ возбуждаютъ у Бѣлинскаго смѣшанное съ ужасомъ отвращеніе, и если Бѣлинскій восклицаетъ въ великомъ негодованіи: „Турокъ въ душѣ, онъ считалъ себя впереди цѣлой Европы на пути къ универсальному уваженію правъ личности!“ то вѣдь это потому, что Бѣлинскій справлялъ еще медовый мѣсяцъ съ началомъ личности, принесеннымъ къ намъ съ Запада, что ему еще не вполне открылась обратная сторона медали этого „благодѣтельнаго“ начала. Да и то можно было отвѣтить ему: „пожалуйста, впишите Алеко въ активъ къ тѣмъ фактамъ, которые побуждаютъ Васъ сброситься съ послѣдняго этажа. Что же, если на вершинѣ цивилизациі мы застаемъ такой горькій плодъ, какъ индивидуализмъ, то, право, не стоило всѣхъ этихъ мукъ и несчастій, что пережило человѣчество на своемъ тяжеломъ историческомъ пути“.

Вотъ Достоевскій, въ „подпольѣ“ познавшій обратную сторону медали пресловутаго начала личности, облагодѣтельствовавшаго Россію съ реформами Петра,—Достоевскій, обманывавшій себя, въ жаждѣ успокоенія, что Европа для него лишь дорогая могила, что онъ, а вмѣстѣ съ нимъ вся русская интеллигенція вернется къ стихіи, въ которой они растворятъ свое гордое я, — Достоевскій — страстотерпецъ, нутромъ постигшій, что значитъ: „Боже, какъ кипѣли страсти въ его измученной груди“, и никогда не могшій освободиться отъ этихъ страстей.—Вотъ онъ-то понялъ, ощутилъ всю трагическую связь Алеко съ началомъ нашего самопознанія—а

затѣмъ съ Раскольниковымъ, Иваномъ Карамазовымъ и иными подпольными людьми. Недаромъ онъ въ бѣшенствѣ топаеть ногой, какъ своимъ эпигонамъ, такъ и ихъ родному отцу—Алеко: „смирись, гордый человѣкъ, покорись, гордый человѣкъ“. Вѣдь иначе жить невозможно, вѣдь бремя начала личности не по плечу маленькому ограниченному человѣку.

Достоевскій смѣется надъ Алеко, вышучиваетъ его, даже преслѣдуетъ своими ядовитыми усмѣшками: онъ, дескать, баринъ, онъ билъ по мордасамъ крѣпостныхъ—вся его затѣя отъ нечего дѣлать. „Надъ кѣмъ смѣешься, надъ собою смѣешься“—хочется сказать. Вѣдь это онъ преслѣдуетъ дальнѣйшее развитіе Алековщины, выродовившейся въ Карамазовщину.

Да, Алеко — типъ символическій, типъ — я бы сказалъ — универсальный, но болѣе дорогой, болѣе родной именно русской литературѣ. Можетъ быть, русская душа еще не успѣла сrostись съ этимъ новымъ началомъ европейскимъ? И впрямь. Европа потратила на усвоеніе его сотни лѣтъ свыклась, сроднилась съ нимъ. А вотъ русскому человѣку тяжело: вѣдь всего безъ году недѣля, какъ онъ освободился изъ подъ власти *начала общаго* (по выраженію Хомякова), начала, которое до сихъ держало въ тискахъ человѣческое я, не давая возможности подняться, стать выше надъ моралью или другими категорическими цѣнностями. Этимъ, можетъ быть, объясняется, почему трагедія личности такъ тяжело, такъ глубоко поставлена именно въ русской литературѣ, посвятившей ей весь 19-ый вѣкъ, какъ и тотъ фактъ, что поставлена она была уже на зарѣ русской литературы *Пушкинымъ*: русскій геній, сдѣлавшись самостоятельнымъ, сразу взялся за разрѣшеніе этой проблемы, самой тяжелой для него.

Вотъ въ чемъ и заключается пророчество и указаніе для русской литературы, которое Достоевскій усматриваетъ въ Пушкинѣ.

Пушкинъ лишь намѣчалъ проблемы, ставилъ ихъ въ самыхъ общихъ чертахъ, какъ таковыя, передавалъ ихъ всей русской литературѣ.

Чтобы продѣлать такую огромную и важную работу, какъ установленіе *вѣхъ* по всему будущему пути русскаго творчества, надо было торопиться, двумя, тремя штрихами обрисовать образъ, какъ выражается про него Толстой, и идти дальше.

Вотъ почему Алеко у Пушкина не развернуть во всей своей трагической величавости: вотъ почему онъ только схематически намѣченъ; но мы, отстоя отъ Пушкина на разстояніи почти цѣлаго вѣка и вдумываясь въ содержаніе русской литературы, исходящей отъ него, должны согласиться вмѣстѣ съ Достоевскимъ, что онъ родной отецъ Карамазовыхъ и Раскольниковова, мы должны только прибавить, что Алеко истинный „скиталецъ“, не только русскій, но и всемірный,—скиталецъ, который нигдѣ и никогда не обрѣтеть покою, ибо послѣдній никогда не можетъ быть данъ человѣку, отстоящему на цѣлую цивилизацію отъ „бѣдныхъ сыновъ природы, вольныхъ, какъ она, беззаботныхъ, какъ птичка“, ибо печать Каина, байроновскаго Каина на его челѣ, печать гордаго человѣка, вступающаго въ тяжбу со всѣми установленными цѣнностями, сковывающими гордую волю индивидуума.

Алеко не убиваетъ себя и остается жить, остается, подобно подстрѣленному журавлю, оставленному товарищами, весело поднимающимися на воздухъ, чтобы летѣть къ благословеннымъ краямъ юга. Сидя на камнѣ, окровавленный, съ ножомъ въ рукахъ, Алеко, „блѣдный лицомъ, молчитъ; „когда же ихъ зарыли послѣдней горстію земной, онъ молча, медленно склонился, и съ камня на траву свалился“... Муки безотрадной тоски, трагедія глубокаго одиночества и разбитыхъ надеждъ на послѣднюю стихію, которая должна была его успокоить.

Здѣсь-то и глубокое расхожденіе съ Руссо, съ Байрономъ и другими романтиками: не можетъ современный человѣкъ найти успокоенія на груди, давно разставшейся съ нимъ матери—природы,—не можетъ, ибо нѣтъ возврата къ прошлому;—вотъ истинный смыслъ трагедіи Алеко!

V.

„Но счастья нѣтъ и между вами, природы
бѣдные сыны!
„И ваши сѣни кочевья въ пустыняхъ не
спаслись отъ бѣдъ,
„И всюду страсти роковыя, и отъ судьбъ
защиты нѣтъ“.

Гордому сыну цивилизаціи противостоить, какъ мы указали выше, вольная община бѣдныхъ сыновъ природы, члены которой ясны духомъ, какъ южная небесная лазурь; имъ не вѣдомы никакія проблемы, ибо они еще не дошли даже до первой антитезы: я да міръ. Сыны природы, они инстинктивно нутромъ своимъ постигаютъ всю мудрость жизни.

Правъ В. Ивановъ, что цыганская община построена на идеальныхъ анархическихъ началахъ. Личность еще не познала себя, какъ таковую, еще не успѣла выдѣлиться настолько, чтобы противопоставить себя обществу. Нѣтъ еще, такимъ образомъ, той причины, которая создаетъ обязательные для всѣхъ законы; вотъ почему они дики, не знаютъ ни законовъ, ни цѣпей, не терзаютъ и не казнятъ. Имъ, скромнымъ въ своихъ потребностяхъ, невѣдомъ институтъ собственности, который такъ губительно дѣйствуетъ въ нашей общественной жизни,—они довольствуются тѣмъ, что даритъ имъ природа—мать. Мало нуждаясь другъ въ другъ, они не успѣли еще спаяться вмѣстѣ настолько, чтобы каждый членъ чувствовалъ свою зависимость отъ другихъ и отъ цѣлаго общества; вотъ почему у нихъ воля единичная такъ удивительно гармонически сливается съ волей общественной—*minimum* требований со стороны общества къ личности и личности къ обще-

ству вовсе не тягостно для членовъ этой идеальной общины. Младенцы счастливаго дѣтства, они еще не подвержены проклятію: „въ потѣ лица, ѣшь хлѣбъ свой,“ тяготѣющему надъ челоуѣчествомъ, вкусившимъ отъ плода познанія. Вотъ почему старикъ—цыганъ такъ щедръ: „или пробудь у насъ и долѣ, какъ ты захочешь. Я готовъ съ тобой дѣлать и хлѣбъ и кровь... Примись за промыселъ любой: желѣзо куй, иль пѣсни пой и села обходи съ медвѣдемъ“. Да что имъ нужно: „Птичка Божія не знаетъ ни заботы, ни труда, хлопотливо не свиваетъ долговѣчнаго гнѣзда...“ Самъ старикъ прекрасно знаетъ причину идеальности ихъ общины: „Не всегда мила свобода тому, кто къ нѣгѣ приученъ“. Вотъ ужъ Земфира нѣсколько подозрительно восхищается городомъ: „Но тамъ огромныя палаты, тамъ разноцвѣтные ковры, тамъ игры, шумные пиры, уборы дѣвъ тамъ такъ богаты...“ Не суждено ли и этой общинѣ пасть, подобно библейскому Адаму, по волѣ женщины, и не стремится ли она туда,— правда, пока еще не очень сильно:—все же она дочь этого племени—туда, откуда истомленный, измученный пришелъ Алеко? Можетъ быть, этимъ и объясняется, почему она, единственная изъ Цыганъ, имѣетъ у Пушкина свое имя и при первомъ же появленіи Алеко находится рядомъ съ нимъ, тоже по—своему нѣсколько противостоя картинѣ слитности природы съ людьми?

Во всякомъ случаѣ, нужно согласиться съ Вячеславомъ Ивановымъ, что „прочнѣйшимъ основаніемъ свободы, въ смыслѣ соціологическомъ, является, по смыслу поэмы, бѣдность“. Вотъ эта то бѣдность, или вѣрнѣе, отсутствіе собственности въ связи съ полной зависимостью ихъ отъ природы, и обусловливаетъ то скудное, но прочное счастье, которое вѣдомо этой идеальной общинѣ. Въ ея основѣ, можетъ быть, и дѣйствительно лежитъ нѣкая религіозная идея смиренной покорности предъ высшимъ началомъ, интуитивно ими ощущаемымъ въ столь близкой и понятной имъ природѣ. Что они соизмѣряютъ всѣ свои поступки и движенія съ ней, не подлежитъ сомнѣнію.

„Чредою всѣмъ дается радость; что было, то не будетъ вновь...“ этотъ мудрый законъ, обязывающій къ смиренію и ко всепрощенію, развернуть во всѣмъ своемъ трагическомъ для человѣка величіи въ космосъ, во всей вселенной. И благо тѣмъ, кто, проникаясь, слѣдуетъ ему. „Старикъ отецъ одинъ сидѣлъ и на погибшую глядѣлъ въ нѣмомъ бездѣйствиіи печали“, именно *бездѣйствиіи*. Ибо покорная личность, ощущая всю свою зависимость отъ природы, не знаетъ и не можетъ знать протеста противъ кого бы то ни было. „Мы робки и добры душою... прости, да будетъ миръ съ тобою...“ Точь въ точь, какъ Платонъ Каратаевъ, который любитъ жизнь въ ея страданіяхъ, любитъ французовъ и собаку и людей и покорно переноситъ всѣ невзгоды жизни. Является даже соблазнъ сказать, что и въ этомъ отношеніи Пушкинъ предвосхитилъ весь путь русской литературы. И идеальная русская община славянофиловъ, которая зиждется на покорности и полной согласованности воли единичной съ волей общественной, и старецъ Зосима, и блаженный князь Мышкинъ Достоевскаго, и идеальный анархизмъ религіознаго характера Толстого, и даже соборный анархизмъ Вячеслава Иванова — все, все восходитъ къ старику — цыгану, который рекъ: „оставь насъ гордый человѣкъ, мы дики, нѣтъ у насъ законовъ, не нужно крови намъ и стоновъ... мы робки и добры душою...“ ты хоть и золь и смѣль—все же прости! „да будетъ миръ съ тобою!..“

И, можетъ быть, Толстой, никогда не любившій Пушкина, потому вдругъ пришелъ въ восторгъ отъ „Цыганъ“, что почуялъ нѣчто родственное своимъ идеаламъ въ религіозной патріархальности старика. Вѣдь дѣло было въ 60-хъ годахъ, тогда, когда образы изъ Войны и Мира, а между ними и образъ Платона Каратаева, уже, можетъ быть, витали предъ нимъ.

Да, старикъ—цыганъ, можетъ быть, дѣйствительно предтеча всѣхъ русскихъ рѣшеній великихъ вопросовъ человѣчества, для этого здѣсь достаточно намековъ и на соціологическія и на религіозныя основанія всѣхъ будущихъ рѣшеній.

Но все же вопросъ: какъ самъ Пушкинъ относится къ нимъ? куда направленъ проникновенный взоръ художника: въ отдаленное ли прошлое—въ счастливое дѣтство человѣка, или въ отдаленное будущее, какъ думаетъ Вячеславъ Ивановъ? Представляетъ ли идеальная община цыганъ золотой вѣкъ въ прошломъ или въ будущемъ?

Мнѣ думается, что первое правильнѣе, что, платя дань Ж. Ж. Руссо, Пушкинъ рисуеъ цыганъ для того, чтобы какъ можно выпуклѣе выявить проблему индивидуализма—на фонѣ идеальнаго счастья лишь явственнѣе выступаетъ трагическая преступность индивидуалиста Алеко.

Да и вообще такая близкая и интимная связь съ природой, обуславливающая весь идеальный складъ характера цыганъ, возможна была лишь въ отдаленномъ прошломъ, но не въ отдаленномъ будущемъ, когда мы навѣрно еще дальше будемъ стоять отъ природы, чѣмъ теперь. Лишь на фонѣ иллюзорнаго дѣтства человѣчества нѣсколько правдоподобны цыгане. А мы вѣдь знаемъ, какъ Пушкинъ стремился къ правдоподобию.

„Лишь одна телѣга, убогимъ крытая ковромъ, стояла въ полѣ роковомъ; такъ иногда предъ зимою туманной утренней зарею, когда подѣмлется съ полей станица позднихъ журавлей и съ крикомъ вдаль на югъ несется, пронзенный гибельнымъ свинцомъ, одинъ печально остается, повиснувъ раненымъ крыломъ. Настала ночь; въ телѣгѣ темной огня никто не разложилъ, никто подъ крышею подъемной до утра сномъ не опочилъ...“ Вотъ этотъ—то израненный журавль, пронзенный гибельнымъ свинцомъ, приковываетъ затуманенный грустью взоръ трагическаго поэта. Для него нѣтъ спасенья, ибо не въ цыганахъ спасенье, ибо они въ прошломъ, а не въ будущемъ. Алеко одинъ остался съ своей израненой душой—потеряно послѣднее убѣжище для его томящагося я, и онъ снова будетъ влачить тяжкія цѣпи своей исключительности.

„Но счастья нѣтъ и между вами, природы бѣдные сыны: и всюду страсти роковыя, и отъ судебъ защиты нѣтъ“. Эти слова звучать грознымъ *memeto mori* — зловѣщимъ указаніемъ на общій съ желѣзной необходимостью развертывающійся путь исторіи человѣчества; здѣсь слышится неумолимый голосъ беспощадной судьбы, предназначающій трагическій путь, котораго не избѣгнетъ или, вѣрнѣе, не избѣгли цыгане. Удалятся и они отъ природы, потеряютъ свою врожденную мудрость, и гладкое чело избороздится первой морщинкой индивидуалиста.

Нѣтъ въ этой пьесѣ зова въ туманныя, пока еще и для творца, дали. Не улыбается изъ нея грядущее счастливое будущее; изъ нея смотрятъ опечаленныя очи художника, постигшаго въ этой антитезѣ двухъ міровъ сущность міровой трагедіи.

И Бѣлинскій, распинающійся за цивилизацію и пресловутый прогрессъ, по—своему безусловно правъ, когда говоритъ, что старый цыганъ, „несмотря на всю возвышенность своихъ чувствованій, — не высшій идеаль человѣка, ибо онъ лишь непосредственно разуменъ, еще не вышелъ изъ подъ опеки у природы и обычая. Иначе пришлось бы въ дикомъ состояніи видѣть свое призваніе и свою цѣль. И если старый цыганъ способствуетъ, самъ того не зная, къ преподанію намъ великаго урока, то не самъ собой, а черезъ Алеко, этого сына цивилизаціи“. Именно черезъ Алеко и въ Алеко выясняется весь смыслъ поэмы. Не великій урокъ преподноситъ намъ Пушкинъ, а великую проблему, не къ морали, принимающей и оправдывающей міръ, онъ насъ зоветъ, а къ психологіи, обнаженной психологіи страдальца Алеко, которая явственнѣе дѣлается отъ того, что ей противостоитъ элементарная душевная гармонія первобытнаго сына природы. Вотъ гдѣ смыслъ поэмы, вотъ гдѣ ея великое значеніе.

Въ уста цыгана Достоевскій вкладываетъ свой личный идеаль, свою русскую почву. „Смирись, гордый человѣкъ,

покорись, дерзкій человекъ,—побѣдишь себя, и станешь свободенъ, какъ никогда; начни великое дѣло, и ты узришь счастье, ибо поймешь, наконецъ, народъ свой и святую правду его“.

Вячеславъ Ивановъ усматриваетъ въ этихъ словахъ привнесеніе политической тенденціи. Достоевскій, дескать, еще не освободился отъ пріемовъ публицистической критики. Онъ же толкуетъ слова цыгана такъ: „отметай изъ своего самоопредѣленія все эгоистически случайное и внѣшне обусловленное... и многообразными путями „умнаго дѣланія“ достигнешъ чувствованія своей глубочайшей сверхличной воли, своего другого, сокровеннаго, истиннаго я“.

Мнѣ кажется, что здѣсь въ обоихъ толкованіяхъ разницы никакой. Такъ или иначе, но цѣль одна: освободиться отъ эгоистическаго и постигнуть сверхличное. Освободиться отъ того самаго начала личности, которое такъ давитъ современнаго индивидуалиста.

Мы все больны тяжелымъ недугомъ индивидуализма: онъ намъ не по силамъ, и намъ всѣмъ хочется вѣрить въ свое обновленіе, въ избавленіе отъ бремени нашего я.

Невозмутимой тишиной вѣетъ отъ патріархально-религіозной общины идеальныхъ цыганъ; хочется успокоиться на какой-нибудь иллюзіи, и мы приписываемъ Пушкину наше душевное состояніе, и намъ невольно начинаетъ казаться, что поэтъ предвосхищаетъ нашъ частный, желанный намъ идеаль.

VI. ●

Широкія дали рисуются намъ въ этой трагической поэмѣ. Нѣтъ въ ней конкретныхъ предѣловъ, быта, времени и мѣста. Обнаженная проблема индивидуализма, выпукло представленная на фонѣ антитезы между счастливымъ дѣтствомъ человечества и тяжелымъ современнымъ настоящимъ.

Улыбка грусти озаряетъ страдальческое лицо человека нашего времени при видѣ этого счастливаго прошлаго.

И потому что проблема поставлена въ общемъ видѣ, нельзя установить форму этого произведенія, которая была бы характерна для той или иной эпохи.

Дивное сочетаніе формы античной трагедіи съ современной ему, поэту, байроновской поэмой; явное звучаніе греческаго хора, обычно изрекающаго великія истины—съ удивительнымъ, единымъ и сливающимся съ общимъ характеромъ произведенія преданіемъ объ Овидіи. И надъ всѣмъ этимъ рѣзетъ птичка Божія... дивная онтологическая пьеска, освѣщающая весь смыслъ, сюжетъ.

И именно потому, что проблема въ универсальномъ видѣ и именно потому что предѣлы ей не указаны опредѣленной эпохой, наша грусть растворяется въ общей тоскѣ, обвивающей все человѣчество, теряя такимъ образомъ свою остроту.

Художникъ грустилъ надъ всѣмъ міромъ, надъ всей нашей жизнью. Эту-то идею универсальной грусти по безоблачному счастью онъ воплотилъ въ эту случайную картину.

„Душа съ душою говоритъ“—душа художника чрезъ случайное, преходящее вѣщала намъ объ основной причинѣ тоски, что переживаемъ мы, глядя на случайныхъ людей, какъ зерна случайно раскиданныя по огромной груди матери-природы, съ корнемъ вырванныя изъ нея;—какъ зерна, они же случайно погибнуть.

Причины этой неизбѣжной тоски—наша исключительность, наша разрывность съ космосомъ и вытекающее изъ нея одиночество.

Да, поэма лишена конкретности, лишена индивидуальныхъ красокъ, поставлена въ универсальной формѣ безъ всякой зависимости отъ быта, мѣста и времени.

Но это не идеализація, это чудо—тайна всякаго художественнаго синтеза, всегда символическаго, всегда скрывающаго отъ насъ случайныя конкретности, преходящія несовершенства.

А. Долининъ (Искозъ).

ПУШКИНИСТЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

подъ редакцией проф. С. А. Венерова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Фототипія и Типогр. А. Ф. Дресслера, Б. Подъяческая, 22.
1914.